

Алым соком кровь хлипко падала на сухую землю, смешиваясь с той, придавая ей зловеще-темный оттенок. Занесенный прежде в ударе кулак уже успел вернуться на прежнее место, и его хозяин с большими от шока глазами глядел в проделанную его усилиями дыру в деревянной стене здания. Где-то там, в глубине помещения, были растерянные люди, которые глядели на труп мужчины, чье лицо было уже не разобрать.

Телом своим он, уподобляясь снаряду, приземлился на столик для посетителей, гулко разломав его. Прежде хмурое небритое и багровое от горячительных напитков лицо было абсолютно неузнаваемо, превратившись в ансамбль месива, над которым будто бы постарался безумнейший из безумных художник-абстракционист; шея была зафиксирована в неестественном положении.

- А-а-а-а-а-а-а!!! - От подавляющего большинства людей раздавались крики ужаса.

Абсолютной своей частью все наблюдатели бледнели, пытаясь унести свои ноги подальше от этой фантазмагии жестокости, ничего не бросая вслед. Люди, что были в пострадавшем здании, застыли, словно бы они находились перед невероятно большим удавом, который сможет проглотить их всех разом и не подавиться - проделанное отверстие в стене было рядом с единственным выходом из заведения, который вел напрямик в невероятно сильные руки "монстра".

- А...? - Все еще не осознавший серьезность происходящего Хоноровский будто бы под гипнозом смотрел на образовавшуюся давку.

В узких улочках было недостаточно места, чтобы такая хаотичная толпа могла пройти без проблем. Бледнеющий все сильнее с каждой последующей секундой Никита испуганно смотрел, как люди начали затаптывать друг друга. Его дыхание сбилось - мантра про ненастоящих людей забылась вовсе. Сильные колени предательски задрожали, а пареньку захотелось оказаться отсюда как можно дальше.

Вот человек сбил с ног случайного ребенка, а затем по его маленькой голове пробежалась туча ног, но он не был таким особенным. Примерно такое же происходило и с десятком других людей, которых за всей этой паникующей ордой было не заметить. Слышались крики, призывающие успокоиться, по-видимому, принадлежавшие местным блюстителям правопорядка и сознательным людям.

Бегавшие перед этим по всему вокруг глаза Никиты сейчас застыли на схожих с листами бумаги по цвету своего лица людях, которые не решались издать ни звука. Вместо прежней мелкой дрожи их начало колотить, когда они пересеклись взглядами с Хоноровским. Очи их трепетали.

Это стало последней каплей для юноши, когда он отпрянул будто бы от огня. Из его горла вырвался неопределенный звук, а в следующий миг он уже развернулся, согнувшись в коленях. Грохот дробящейся земли заглушил всякий гам, что норовил долететь до ушей Никиты. Перепрыгнув невысокое здание, дальнейший путь замаскированного подростка лежал через совсем маленькие переулки.

Шум отдалялся и становился все тише, но в разуме парня он гремел со все той же силой. Образы мертвых растоптанных людей словно бы пробегали перед его глазами, что были красными. Не прежний багрянец в них пылал, но ветвящиеся капилляры в глазах; пробегающая в них "кровь" все так же пульсировала мерным вишневым цветом...

Юноша сидел, прислонившись к каменной стене какого-то очередного здания. Отсюда не было слышно ничего, что намекало бы о произошедшем. Невероятно чуткий ныне слух подростка легко улавливал храп крепко спящих людей или тех, кто все еще ворочался на своем футоне. Они и подозревать не могли, что творилось совсем недавно, а может и до сих пор.

Какой-то растерянный и бессмысленный взгляд черных глаз Хоноровского крепко-накрепко зацепился за его кулак, пока его обладатель пытался что-то понять. Прежней дрожи не было, дыхание пришло в норму, а поразительную бледность словно магией сняло! Мысли шли очень медленно, будто пытаясь не завязнуть в топком болоте усталости - не физической, но психологической.

Он выдохся. Устал. Неизвестно сколько времени он уже находится здесь и все время куда-то бежит. Демоны, прошлое, другая страна, чужая культура, глупая случайность, приведшая к трагедии. Все это похоже на чью-то очень злую шутку... Хотя Никита думал, что знает наверняка, чья она.

Парень не ощущал ни холода булыжника, ни твердь земли, ни морозного этой ночью ветра, а поза его казалась настолько же удобной, будто он спал в кровати. В этом теле он не знал даже намека на боль и дискомфорт, ведь в них банально не было нужды. Щупальца и алая субстанция делали свое дело, открывая вид на настоящего Никиту Хоноровского в своей домашней одежде, глаза которого были прикрыты, а сам он мерно сопел...